

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 13-го Июня 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10013.

Изъ старыхъ тетрадокъ.

2.

Пахнетъ липою душистой
Надъ туманнымъ лугомъ.
Вышелъ мѣсяцъ въ дымкѣ мглистой
Золотистымъ кругомъ.
За рѣкой вдали запѣли
О веснѣ и волѣ...
Хорошо бродить безъ цѣли
Этой ночью въ полѣ.
Я иду вдоль рощи, рокотъ
Соловья впивая,
Вдругъ... Что это?.. Чей-то шопотъ
Тамъ, гдѣ тѣнь густая...
Шопотъ, звуки поцѣлуюя...
Значить, страсть и ласки...
Все твердить мнѣ, мысль волнуя,
О весенней сказкѣ.
Все твердить о томъ, что двое
Здѣсь, средь ночи лѣта,
Скрыли счастье молодое
Отъ людей и свѣта.
И лишь я узналъ, случайно
Проходя безъ цѣли,
Это счастье, эту тайну,
То, что скрыть хотѣли.
И изъ этой тайны смѣло
Разсказалъ я свѣту
Все, о чёмъ душа велѣла
Говорить поэту...
...Запахъ липы, пѣсня хора
Гдѣ-то за рѣкою...
Счастье, скрытое отъ взора
Ночью и листвою...

Все сказаль немногимъ этимъ, что
душа велѣла...
И кончай... Остальное не мое ужъ
дѣло...

1906 г.

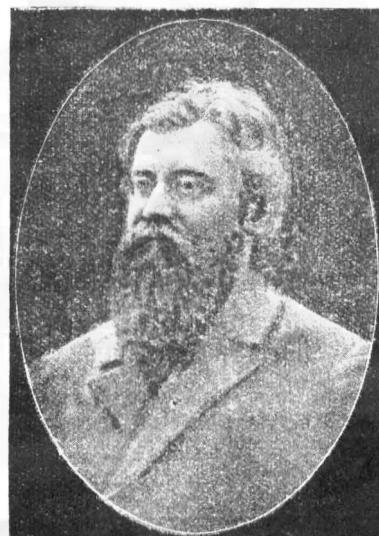
П. Лозановъ.

**

Какъ караванъ среди пустыни,
Цѣль облаковъ несется вдалъ...
Прозрачныхъ сумерокъ печаль
Полна прощающей святыни,
И образъ твой въ душѣ моей
Все неотступнѣй и живѣй.
Гдѣ ты? У синяго-ли моря
Безпечно ловиши рокотъ волнъ,
Или погибъ твой утлый членъ
Надеждъ и грезъ въ пучинѣ горя,
И ты, безпомощна, блѣдна,
Въ глухи, обманута, одна?...
Что ни свершилось бы съ тобою—
Ты въ этотъ вечеръ мнѣ близка;
Одни и тѣ же облака
И надъ тобой, и надо мною,
И оба мы, быть можетъ, имъ—
Гдѣ ты? съ печалью говоримъ...

Ѳ. М.

А. Г. Масалитиновъ.

Докторъ - акушеръ, скончавшійся 8 июня.

В. Ключинскій.

Новый митрополитъ римско-католическихъ церквей Россіи.

НА ПУТИ.

(МИНИАТЮРА).

Близятся сумерки; большое, ярко-красное солнце только что сѣло, и западъ горитъ, какъ гигантскій рубинъ, что, по примѣтѣ старыхъ людей, сулитъ вѣтреный день на утро.

Между перелѣскомъ вѣтется проселокъ; послѣ захода солнца въ воздухѣ тихо, и стволы молодыхъ березокъ, прямые, какъ церковныя свѣчи, тянутся вверхъ; а впереди, въ полуверстѣ или верстѣ отъ проселка, стоитъ, нахмутившись къ ночи, высокій сосновый лѣсъ.

По проселку, пробираясь на ярмарку въ село Зеленые Ключи, шагаетъ Кудимычъ, старикъ съ жесткими си-

выми усами и колючимъ, давно не бритымъ, поросшимъ щетиною подбородкомъ; лицо у Кудимыча отъ жара исолнца приняломѣдно-красный цвѣтъ; маленькие сѣрые глазки выглядываютъ, какъ мыши изъ щелей. На Кудимыча старая солдатская шинель, видавшая и непогоды, и бури; голову прикрываетъ шляпа, родъ которой за старостью опредѣлить невозможно: не то это бывшій цилиндръ, не то бывшій грешневикъ, что, пожалуй, и безразлично, такъ какъ сурою рукою времени головной уборъ Кудимыча уже давно сплюснутъ въ блинъ. За плечами старика виситъ ракѣтъ съ десяткомъ другимъ картинокъ, временемъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, и холщевая сумка, перетянутая грязнымъ ремнемъ; въ рукахъ Кудимыча раздвижная подставка для рабка, пара обрущей и лѣсенка. На обруахъ и лѣсенкѣ показываетъ свое искусство деревенскимъ ребятамъ собака бродячаго раешника, Кутька.

Небольшая, шершавая, бѣлая, съ черными пятнами на мордѣ и на бокахъ, она бѣжитъ тутъ же впереди Кудимыча, загнувъ хвостъ кренделемъ, и выпугиваетъ изъ кустовъ сонныхъ птицъ.

— Оставьте ваше обращеніе! Не скачите,—уговариваетъ ее Кудимычъ.—Чего вы зря птицу пугаете? Въ здѣшнихъ мѣстахъ охота безъ дозвolenія начальства, я вамъ скажу, воспрещена, и послушники подвергаются всей строгости законовъ. И при томъ, развѣ только вы однѣ на бѣломъ свѣтѣ желаете существовать? Всякая птица существовать желаетъ. Уймитесь, я вамъ говорю.

Но Кутька вертитъ хвостомъ, умилительно взглядываетъ на хозяина и скачеть по прежнему средь кустовъ.

Понемногу съ обѣихъ сторонъ на Кудимыча и Кутьку надвигается лѣсъ; въ лѣсу темно, и старикъ то и дѣло спотыкается о корни; впрочемъ, лѣсъ не великъ и черезъ полчаса весь поконченъ; дальше тянется поле.

Ни села, ни деревни по близости; ни огней.

Пусто и тихо.

Кудимычъ останавливается, взглядываетъ направо и качаетъ головой; останавливается и Кутька и смотрѣтъ на старика вопросительно.

— Съ дороги мы, Кутька, сбились, — обѣявляетъ старикъ.—И куда зашли—неизвѣстно. Говорили въ Грачахъ, что если направо взять, Марьино будетъ, если же налево, Ключи Зеленые, а тутъ ни направо, ни налево синяя пороха не видно. Хоть бы на смѣхъ тебѣ сторожка какая,—ничего. Исторія, я вамъ доложу.

Кутька грустно взвизгиваетъ, какъ будто понимаетъ непріятное положеніе, въ которое они попали; старикъ осматриваетъ окрестность еще разъ.

— Ничего! Ни единаго... (старикъ хочетъ сказать „бѣса“, но взглядываетъ на лѣсъ и на всякий случай не произноситъ поганаго слова).—Ну, что жъ, заночуемъ на этомъ мѣстѣ, и

дѣло съ концомъ!—рѣшительно машетъ рукою Кудимычъ и складываетъ на землю рабѣкъ и Кутыкины инструменты.—Потомъ бродить по ночамъ—не стоящій вниманія обычай; въ болото пѣдешь.

Кутыка садится, чѣмъ выражаетъ согласіе на остановку; набравъ хвосты, старики поджигаютъ его, и скоро кверху поднимается длинный столб дыма: „грудокъ“ разведенъ. Когда нагораютъ уголья, Кудимычъ подкатаиваетъ къ нимъ, чтобы испечь, картошку; кромѣ картошки, изъ холщевой сумки являются на свѣтъ Божій пара вареныхъ яицъ, краюха хлѣба и соль въ бумажкѣ. Старики єсть самы, бросаетъ Кутыка хлѣба и теплой картошки и, такъ какъ онъ привыкъ дѣлиться съ Кутыкой надеждами и впечатлѣніями, горемъ и радостью, начинаетъ говорить.

— Ну, что вы насчетъ завтрашняго дня изволите думать?—спрашивается онъ у Кутыки.—Много мы съ вами въ Зеленыхъ Ключахъ раздѣляемъ въ сей портмонетъ (старики стукаютъ по голенищу)? Можетъ, чего добра, до верху его наколотить намъ удастся? Ярмарка тамъ, праздникъ и все такое прочее. Какое будетъ ваше разсужденіе на сей предметъ?

Кутыка поднимаетъ вверхъ свою умную морду и тявкаетъ разъ или два. — Спасибо на доброму слову, киваетъ Кутыка Кудимычъ. Сейчасъ мы съ вами новая изладили подъ портмонетъ, а сверху бы его обсоюзили, чтобы пальцы на Божій свѣтъ не выскакивали, потому въ дорожномъ дѣлѣ это совсѣмъ не хорошо. Машуткѣ бы платьице отнесли, а при платьице и платокъ въ придачу, пусть поминаетъ дѣдушку. Машуткѣ, сами знаете, негдѣ взять у мадамъ; мадама жилистая, на обухѣ роже молотить и сама норовить, какъ бы схватить что ни на есть. А Машутка у насъ въ такой порѣ, что щегольнуть ей, ахъ какъ хочется: невѣститься начала. Ну, чтожъ, пошли ей Богъ жениха хорошаго, что касается платьца, такъ его мы въ одинъ моментъ. Гришуткѣ рубашенку надо; малый онъ хороший, прямо, можно сказать, первый сортъ.

Кудимычъ подмигиваетъ Кутыка и добавляетъ:

— А глядишь, и „мерзавчика“ хватимъ, и табачку себѣ купимъ... да.

Старики задумываются; собака вскаиваетъ съ мѣста, смотритъ на хозяина и вертигъ хвостомъ.

— Наѣлись? спрашиваетъ старики. На здоровье. Очень приятно видѣть. За компанию покорно спасибо вамъ. Я тоже покончилъ. Теперь бы послѣ ужина-то наливочки или ренсака какого хорошо бы стаканчикъ перекусырнуть! Какъ ваше мнѣніе? Одна бѣда, не приготовили для насъ ничего. Ну и пустъ. Мы и водицы выпьемъ, если на то пошло. Водицы чистой.

Старики, кряхтятъ, поднимаются и идетъ съ собакой къ одному изъ бочаговъ, что разбросаны по низинѣ.

Хорошая вода, прохладная! одобряетъ онъ. Лакните и вы, не стѣсняйтесь, сдѣлайте ваше одолженіе.

Кутыка лакаетъ съ большимъ аппетитомъ; тѣмъ же путемъ человѣкъ и собака возвращаются къ костру, который успѣлъ почти погаснуть; старики подбрасываютъ къ угольямъ хво-

Чарльзъ Гардингъ.

Бывшій англійскій посолъ въ Петербургѣ, назначенный вице-королемъ Индіи.

М-Іе Форестье,

въ монашествѣ сестра Кандида, недавно арестованная въ Парижѣ за рядъ мошенничествъ. Сестра Кандида пользовалась въ Парижѣ громадной популярностью, какъ неутомимая филантропка: она устраивала санатории для туберкулезныхъ лѣтъ на пожертвования, которая собирала главнымъ образомъ среди высшаго круга. Суммы пожертвованій достигали громадной цифры, но ихъ все-таки не хватало, такъ какъ одна санаторія въ Ормезонѣ стоила до 2000 фр. въ день. Тогда сестра Кандида прибрѣгала къ мошенничествамъ: она брала „на продажу знакомыи изъ высшаго круга“ ювелировъ драгоценныи вещи, закладывала ихъ, а квитанціи продавала. Ювелиры въ концѣ концовъ подали въ судъ, и оказалось, что долгъ сестры Кандиды простирается до 8 миллионовъ франковъ. Главнымъ сотрудникомъ сестры Кандиды былъ докторъ Пети.

ростинъ, онъ разгораются, и отъ костра опять летятъ искры среди густого сѣраго дыма; бабочки вѣются надъ дымомъ, мелькаютъ возлѣ огня и, опаливъ крылья, беззвучно падаютъ во влажную отъ холода ночи траву.

Ночь темная, безлунная; тамъ, куда не доходитъ свѣтъ отъ костра, лѣсь стоитъ сплошно стѣной: ни стволовъ, ни прогалинъ не видно; темно и поле съ другой стороны костра.

Старики закуриваютъ носогрѣйку, ему бы пора ложиться спать, но страхъ, что, сбившись съ дороги, онъ опоздаетъ на ярмарку, и „портмонетъ“ его останется въ тощемъ видѣ, гонить сонъ отъ глазъ старика и сильно покусываетъ старикивское сердце.

— Вlopались мы съ вами, что называется, съ головой! говорить онъ Кутыка. Запуталъ „онъ“ настѣ, чтобы ему ни дна, ни покрышки! („Чортъ“ не выговаривается опять: сторона глухая, мѣсто незнакомое, и лучше быть дальше отъ „его“ имени). Ну, да, авось, завтра выполземъ мы съ вами на настоящий трахъ; при свѣтѣ дневномъ „онъ“ большой силы не имѣтъ.

Въ лѣсу уходитъ филинъ; какая-то большая птица срывается съ дерева, вскрикиваетъ и, медленно маха крыльями, летитъ прочь.

— Итницы! говорить Кутыка Кудимычъ. Штука обыкновенная. А вотъ какъ мы съ вами въ эти мѣста попали, это болѣе занимательный предметъ. Ежели бы вправо, Марьино, ежели бы влево, Зеленые Ключи, а тутъ ни того, ни другого! Тыфу!

Старики зѣваютъ, крестить ротъ и взглядываютъ на звѣзды.

— Звѣздочекъ-то, звѣздочекъ-то сколько высыпало! изумляется онъ. Ишь блестя... празднику радуются. Завтра праздникъ большой.

Минутъ пять онъ молча куритъ и думаетъ о праздникахъ: сколько ихъ и где только ему не приходилось ихъ встрѣчать!

— Однако, и спать пора! объявляеть онъ Кутыка, поймавъ себя на зѣвѣ. Завтра пораньше встать надо, потому сколько намъ идти и въ какихъ мѣстахъ мы объявимся, Богъ вѣсты.. Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ. Будьте здравы, будьте бравы.

Кудимычъ молится Богу и завертыается въ шинель; черезъ четверть часа онъ спитъ.

Костеръ гаснетъ.

Кутыка тоже спитъ, но во снѣ бредитъ, вздрагиваетъ и щелкаетъ зубами.

Что ей снится, неизвѣстно, но, несомнѣнно, что-то тревожное; быть можетъ, ей снится, что они опоздали на ярмарку, веселье кончилось, и торговщи уже укладываютъ воза, собираясь въ обратный путь.

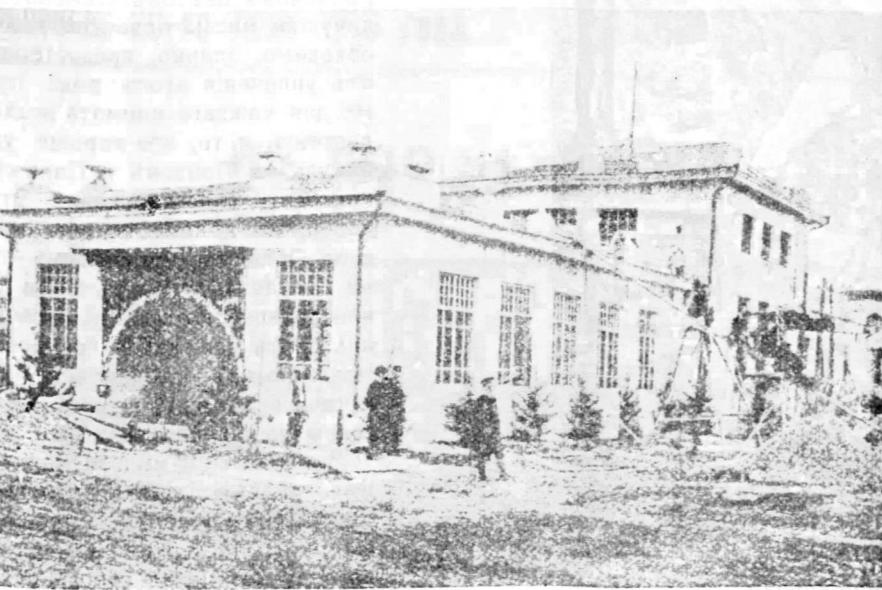
А. Грузинскій.

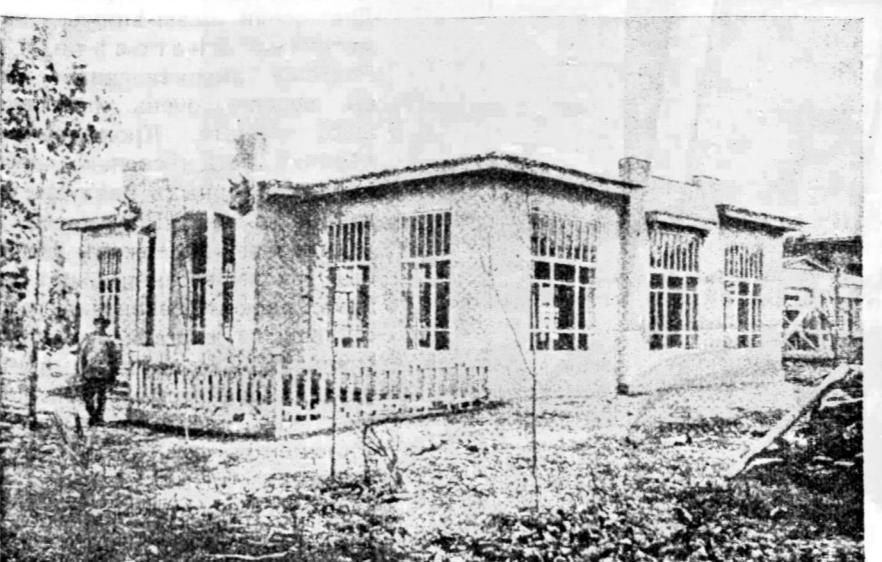
ГОРОДСКИЕ ЦВѢТНИКИ.

Цвѣтводство у насъ въ Харьковѣ находится въ довольно первобытномъ состояніи. До сихъ поръ еще любимымъ объектомъ цвѣтводства являются лѣтники. Наши садоводы кустаріи заготовляютъ ящикиами т. наз. разсаду и всякий, имѣющій хотя бы маленький садикъ, хочетъ посадить туда и петунію, и левкой, и душистый табакъ, и флоксъ, и резеду. Конечно, вырастить подъ окномъ хорошенькой цвѣтничекъ, получить подъ конецъ лѣта душистые или ярко окрашенные вѣнчики въ своемъ садикѣ—большое удовольствіе, и горожанинъ, и дачникъ, традиционно усвоивъ отъ своихъ предковъ любовь къ уходу за растеніемъ,

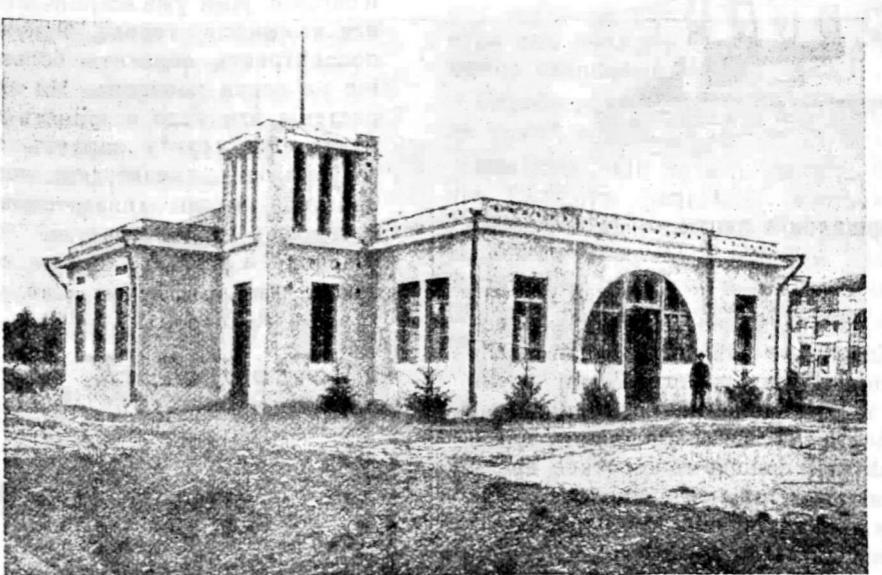
Южно-русская областная выставка въ Екатеринославѣ.

Павильонъ садоводства, плодоводства и огородничества.

Павильонъ молочного хозяйства.

Павильонъ охоты, рыбной ловли, шелководства и пчеловодства.

и холять и поливають цѣлое лѣто свои цвѣтки, отъ которыхъ безжалостная зима обыкновенно не оставляетъ и намека на слѣдующее лѣто. И тогда снова та же работа, тѣ же хлопоты. Почти у всякаго, у кого есть садикъ, садятся въ этомъ садикѣ и цвѣты. На грядкахъ и клумбахъ садятся они рядами и, если сами по себѣ цвѣточки эти и красивы, то въ общемъ, они оживляя садъ, все-таки рѣдко у кого представляютъ изящное цѣлое. Цвѣты у насъ садятся ради ихъ самихъ, но не ради декораціи. На клумбѣ часто сажаютъ до десятка разныхъ сортовъ, хотятъ имѣть цвѣты по болѣе, цѣнью подешевле, мало заботясь о декораціи сада или фасада своего дома. Далѣе этой первобытной стадіи цвѣтоводства у насъ идетъ рѣдко у кого. Исключениемъ явилась одно время мода на ковровыя клумбы. Но если клумбы съ различными сортами лѣтниковъ, посаженными на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и удовлетворяли эстетикѣ, то т. наз. ковровыя клумбы были мало естественны. Эти узоры изъ растеній, напоминающіе своимъ видомъ сладкіе пироги нашихъ кондитерскихъ, составляемы изъ нѣсколькихъ сортовъ густо посаженныхъ пестролистыхъ растеній, тщательно уродуемыхъ подстрижкой, представляли нѣчто совершенно искусственное, какъ искусственны были галлереи и пирамиды изъ подстриженныхъ деревьевъ въ садахъ старой французской школы. Въ смыслѣ искусства они такъ же далеки отъ идеала послѣдняго, какъ тѣ розы и букеты, которые нарисованы на подносахъ, оставшихся въ хозяйствахъ нашихъ бабушекъ, по сравненію съ изящными японскими пейзажами, изображенными на подносахъ страны Восходящаго Солнца. И, слава Богу, эти ковровыя клумбы, пригодны для дворовъ и подъѣздовъ, требовавшихъ массы труда и заботъ для поддержанія ихъ въ порядкѣ, теперь начинаютъ выходить изъ моды. Въ Германіи и Англіи и въ цвѣтоводствѣ стараются приближаться къ природѣ. Что болѣе всего чауетъ ваши взоры, когда вы гуляете весною по зеленѣющимъ лугамъ? Это тѣ группы яркихъ цвѣтовъ, которая, появляясь массами, пятнами различныхъ колеровъ, пестрятъ изумрудно-зеленою поверхностью луга. Вотъ этотъ то эффектъ и желаетъ теперь имѣть ландшафтное садоводство. Вмѣсто рядами по ранжиру посаженныхъ деревьевъ и напоминающихъ могилы грядокъ, садоводъ современности стремится создать въ частномъ саду и въ городскомъ скверѣ хоть небольшой лоскутокъ ласкающаго взоры газона, а на газонѣ этомъ разбросать цвѣтущія растенія. Эти группы должны быть однородного цвѣта, какъ только желтыми бывають группы одуванчиковъ только малиновыми бывають на стели группы цвѣтущихъ воронцовъ. Въ рѣдкихъ исключеніяхъ нѣсколько сочетаній двухъ, много трехъ цвѣтовъ. Вотъ къ созданію растеній для такихъ группъ въ клумбѣ, къ выработкѣ колеровъ для такого рода работокъ и стремится садовое искусство. Тутъ гонятся уже не столько за формою самого цвѣтка или его зацвѣтомъ, сколько за тѣмъ, чтобы въ масѣ онъ производилъ извѣстный эффектъ. Возьмемъ для примѣра герань. Въ любомъ садовомъ заведеніи можно достать до десятка колеровъ этого растенія. Есть сорта простые и махровые. Но посадите всѣ эти сорта вмѣстѣ, и у васъ получатся са- мое отвратительное впечатлѣніе какихъ-

Каникулярные упражнения Пуришкевича.

Поучения старца Распутина об умерщвлении плоти.

то комковъ красной или розовой бумаги, набросанныхъ между грязной зеленью. Такія клумбы вы можете видѣть во множествѣ у насъ въ Харьковѣ, и онѣ отнюдь не содѣйствуютъ украшенію города. Но возьмите вы тотъ же гераніумъ, отберите сортъ съ простыми ярко огненно-красными цветами (метеоръ) или сортъ лососево-розовый или бѣлый простой и посадите ихъ вмѣстѣ, сдѣлавши отдѣльную группу,

и вы получите необыкновенный эффектъ. Далеко не всѣ цветы годятся для образованія такихъ группъ. Одни очень красивы въ отдѣльности, но не производятъ эффекта вмѣстѣ—напр., піоны, макъ. Другіе цветутъ слишкомъ короткое время и оставляютъ остальное время садъ безъ декорации. Для групповой посадки требуется и большая яркость колера, и продолжительность цветенія, и приблизитель-

но одинаковый ростъ цветка. Въ послѣднее время какъ и въ материахъ въ Европѣ явилась мода на цвета неопределенные: розово-лиловый, лососевый и т. п., такъ и подобные колеры изготавливаются у вѣнчиковъ цветовъ. Съменоторговцы публикуютъ массы новостей этого рода. Необходимо, однако, предостеречь читателя отъ увлечения этого рода публикациями. Не для каждого климата подходитъ любое растеніе, и то, что хорошо удастся гдѣ-нибудь въ Лондонѣ и Парижѣ, не будетъ подходитъ для Харькова. Это было бы хорошимъ дѣломъ, еслибы наше харьковское Общество садоводовъ премировало на выставкахъ своихъ тѣхъ садовниковъ и любителей, которые испытали бы наилучшіе сорта для такихъ групповыхъ клумбъ. Изъ многихъ сотенъ растеній сѣмянныхъ каталоговъ лишь весьма немногіе пригодны для нашего климата.

Изъ растеній многолѣтнихъ великолѣпные эффекты при групповой посадкѣ, цветы долго и обильно, производятъ Дельфиніумы. Нельзя не удивляться, почему садовая комиссія города, сдѣлавшая въ послѣднее время очень много для украшенія Харькова цветниками, нигдѣ не ввела этого благодарного цветущаго синими цветами многолѣтника. Разъ посѣянное, оно ежегодно будетъ давать эффектные клумбы высокихъ синихъ цветовъ, держащихся весь юнь. Для осени незамѣнимъ, какъ многолѣтникъ, многолѣтній флоксъ. Растеніе американскихъ степей—флоксы вообще очень пригодны для нашего климата. Кроме высокаго многолѣтника, есть нѣсколько очень эффектныхъ бордюрныхъ цветущихъ въ маѣ видовъ какъ напр. *Phox repens* и др., которые, хорошо выдержавъ зиму, даютъ чудные группы весеннихъ цветовъ въ маѣ. Такіе флоксы безконечно красивѣе всѣхъ пріѣвшихъ маргаритокъ и примулъ. Для очень ранняго цветенія пригодны тюльпаны. Голландскія фирмы *Patlmann et Moi* въ Гаагѣ давно уже продаютъ сортименты изъ 3—4 колеровъ для узорныхъ клумбъ. Такія тюльпанныя клумбы счены прочны; посаженные разъ, они, если ихъ держать на солнечномъ мѣстѣ, цветутъ изъ года въ годъ много лѣтъ подрядъ, не вырождаясь, причемъ совершенно излишне вынимать на лѣто изъ земли луковицы, какъ это дѣлаютъ многіе. По преимуществу харьковскими групповыми сортами нужно называть *Lilium candidum*, *Thunbergi* гераніумы, канны и бегоніи. Ими уже воспользовалась садовая комиссія города, и нужно только посовѣтовать обратить большее вниманіе на сорта колеровъ. На зиму все же растенія эти надо сохранять въ тепломъ мѣстѣ. Въ грунту зимуетъ многолѣтній голубой ленъ, незабудки; хороши рано цветущія породы хризантемовъ. При нѣкоторомъ уходѣ удастся трехцветная фіалка, и разные колеры ея цветовъ даютъ чудные эффекты. Для осени очень хорошъ геліотропъ.

Бѣроѣ, А. И. Красновъ.

